

Речевая деятельность персонажей в художественном произведении как путь трансляции социального опыта этноса (на примере «Полесского цикла» А. И. Куприна)

М. П. Жигалова (Республика Беларусь, Малорита)

Социальный опыт народа в рамках нового этапа историко-культурного развития общества в XXI в. становится в последнее время все чаще объектом разнонаправленных научных исследований, связанных с философией общества и образования [1]; психологией личности [5]; проблемой адаптации человека в обществе; изучением характера отношений в различных со-

циальных и педагогических группах, семьях и т. д. [4]. Незначительное место в психолого-педагогических работах отводится изучению обыденной речевой деятельности человека, его культуры общения в семье и социуме, а значит, изучению ее влияния на формирование отношений в семье и обществе. Тем сложнее становится вопрос исследования проблемы речевой деятельности персонажа как ретранслятора опыта поколений в художественном произведении в частности и литературы в целом.

При этом надо признать, что художественная литература отражает не только социальный опыт народа, но и культурный код эпохи, особенности человеческой деятельности, его психики, разнообразной и неповторимой. И в литературе как искусстве слова закодирован социальный опыт предшествующих поколений в речевых характеристиках, диалогах, монологах героев, их обыденной речи. Поэтому, читая и анализируя художественное произведение, можно получить прекрасные уроки постижения культуры народов мира, в том числе и культуры построения семейных отношений, общения в коллективе, проанализировать уже существовавший в обществе, и конкретной национальности в частности, опыт отношения к родительству, познать особенности вечного диалога «отцов» и «детей». В речевых высказываниях героев произведений угадывается философия жизни писателя и его героев, их мысли о настоящем и будущем человечества. Ибо «мысль и речь находятся издревле во внутреннем взаимодействии. Если речь придает изложению изящество и ясность, если благодаря присущей ей образности и ее органической структуре она содействует стремлению ясно установить целокупность взгляда на природу человека, то она в то же время распространяет почти незаметно свое благотворное влияние на самую полноту мысли. Поэтому слово есть нечто большее, нежели только символ и форма, и его таинственное влияние наиболее сказывается там, где оно вытекает свободно из народного духа и произрастает на родной почве» [6. С. 5].

Анализируя отдельные произведения А. Куприна, попробуем показать, как русский писатель, изображая речевую деятельность полешуков, жителей белорусского края, доносит до читателя социальный опыт этноса.

Известно, что А. И. Куприн был чутко отзывчив на все значительные события современной ему действительности, запросы, настроения и чаяния многих этносов. Писатель жаждал сам изведать, испытать все, что доступно человеку, узнать как можно больше о нем и ко всему прикоснуться. Волею судьбы оказавшись в белорусских местах, он отразил быт и культуру полешуков, т. е. этнических белорусов. Их обыденная речевая культура, рассуждения о важности и ценности природы, об умении вести хозяйство и охотиться на тетерева, о женском счастье, о дружбе и верности — свидетельством трансляции взрослыми своего культурного опыта молодому поколению. Раздумья писателя о присутствии народу нравственном здоровье, о скрытой в нем энергии, еще не раскованных до конца его силах, не раскрытых талантах звучат во всех произведениях «Полесского цикла». Особенно ярко это проявилось в повести «Олеся» (1898), рассказах «Лесная глушь» и «Серебряный волк», очерковой зарисовке «На глухарей» (1899), в которых Полесский социокультурный край опозитизирован.

Здесь воспета и природа Полесья как олицетворение неумирающей красоты и заботы человека о матушке-кормилице, о вечности всего живого на земле, описаны и нравы, традиции этнических белорусов, их культура быта, общение и единение.

В очерковой зарисовке «На глухарей» и рассказе «Лесная глушь» перед читателем предстает красота Полесской природы и человек как единое целое с ней. Уже само название рассказа «Лесная глушь» имеет глубокий философский смысл, т. к. в нем повествуется не только о глуши лесной как о природном явлении, но и о «глуши нравственной».

Действие рассказа «Лесная глушь» происходит на Полесье, в деревнях Зулыне, Крешеве, Яблонное. Незамысловатый сюжет произведения открывает читателю целую гамму чувств и мыслей, сокрытых в речах этих искренних, немножко чудаковатых, но честных и чистых людей, живущих вдали от цивилизации. Они, казалось, слиты воедино с природой, живут в гармонии с ней, воспринимают ее как свою кормилицу и защитницу. Например, лес для героев рассказа (Талимона, Кирилла, Александра) — аккумулятор жизненных историй, человеческой мудрости. Он — неизведанная и вечная тайна для человека. «Лес у нас великий, в иишее место никто не заглядывает, даже лоси и волки ...Одному богу известно, что там ночью робится... Старые полесовички много чего боят, потому что они целый век все в лесу да в лесу... все видят, все слышат...» — говорит Талимон [2. С. 52]. Для Александра лес еще и утешение в несчастье, и советчик в неразделенной любви. Для Кирилла — средство к достижению цели.

С большим поэтическим чувством автор описывает любимое занятие полешуков — охоту на тетерева («На глухарей», «Лесная глушь»), которая требует собранности, осторожности и сноровки: «Весь черный, с красными, мясистыми бровями, коротким, острым клювом, он стоял неподвижно, как каменный, показываясь мне всем своим стройным, красивым профилем. Его блестящий черный глазок тревожно и зорко заглядывал за будку. Я затаил дыхание и замер, не отводя от него глаз. Но тетерев уже заметил меня...» [Там же. С. 58]. Такое занятие не столько дает возможность охотникам-крестьянам поправить свое материальное положение, сколько дарит радость жизни, возможность общения с природой, которая для них — милый собеседник и добрый советчик, место сокрытия от жизненных неурядиц и перипетий судьбы.

В основе рассказа — беседа. Она занимает, кажется, все время и пространство произведения. И неудивительно, ведь в умении построить беседу, высказать сокровенное или наиболее раскрываются человеческие качества и понимание жизни. Поэтому беседы у костра о народных традициях, морали, истории, верованиях, мистике помогают понять дух народа, постичь самые сокровенные тайны души, философию жизни: «Я лег на спину и долго глядел на темное, спокойное, безоблачное небо, — до того долго, что минутами мне казалось, будто я гляжу в голубую пропасть, и тогда у меня начинала слабо, но приятно кружиться голова. А в душу мою сходил какой-то томный, согревающий мир. Кто-то стирал с нее властной рукой всю горечь прошедших неудач, мелкую и озлобленную суету городских интересов, мучительный позор обиденного самолюбия, никогда не засыпающую заботу о насущном хлебе. И вся жизнь, со всеми ее мудреными задачами, вдруг ясно и просто сосредоточилась для меня на этом песчаном бугре около костра, в обществе этих трех человек, несложных, наивных и понятных, почти как сама природа» [Там же. С. 58].

В речи героев произведения прослеживается отношение автора не только к лесной глуши, но и к «глуши нравственной»: черствости, корыстолюбию, жадности, легкомысленному поведению, лживости, бесчеловечности. Дочь мельника, например, готова выйти замуж за того, кто привезет ей до-

рогое украшение: «Привези, каже, мне из туренкой земли такое камисто, чтоб такого еще ни у кого не было, чтоб все молодцы и дивчынны — и Ганка, и Катерына, и Пруська, — чтобы все они с зависти пожелтели. Тогда... может, и пойду за тебя замуж» [2. С. 60]. Казак Опапас, полюбивший дочь мельника, убивает лучшего друга из-за золотого украшения («памиста») и вместе с ним убивает свою душу, совесть и жизнь. Александр же в порыве ревности и унижения убивает неверную жену Опиську: «Вяжите меня, бо я свою жинку забил геть до смерти!.. секирой...» «Люди говорят, что он фершара с ней застал...» [Там же. С. 70]

В купринской трактовке счастья в человеческой жизни прослеживается мысль о том, что оно заключается в любви, но прекрасная, радостная и чистая любовь возможна лишь в обществе свободных и равных людей.

Как художник-реалист Куприн изображает не только быт, занятия жителей Полесского края, но и их нравы, черты характера. Толерантность народа прослеживается в речи персонажей, их портретных характеристиках.

Речь Тилимона — это синтез русско-украинско-белорусско-польского наречия, полесского диалекта, отражающего полиэтническую культуру полешуков, того покультурного пространства, в котором живут герои. Это оно является одновременно той основой (представления, знания, убеждения, социальные установки), которая психологами (С. К. Бондырева, С. П. Иванов) определяется как «ментальная составляющая» человеческой деятельности («производства и воспроизводства в себе человеческих сил, человечности»).

Изображая разные слои населения, Куприн отмечает достоинства каждого. Сотский Кирилла — высокий, костлявый и весь какой-то развинченный мужик. У него худое желтое лицо, впалые щеки, плохо выбритый острый подбородок и огромный лоб, по обе стороны которого падают прямые, длинные волосы: в общем, его голова напоминает голову опсречотного математика или астронома» [Там же. С. 48]. Он служил «в москалях», был под Плевной и получил георгиевский крест. Правда, за что он его получил, добиться от него никто не может. Из его же собственного рассказа выходит только, что «як турци нас забрала в плен, то разом узяли с нами и майора Птицына, а потом, як мы вси стали утекать, то майора Птицына турци забрили геть до смерти...» [Там же. С. 49]. В настоящее время он уже десятый год подряд служит по выборам сотским. Получает за это восемь рублей в год и исполняет свои обязанности с неугасаемым «административным восторгом». Случается, что на пьяную голову ему приходит какая-нибудь сумасбродная административная затея, например, отдать приказ, чтобы «завтра же все село выезжало строить новый мост через Горынь, и с непрерывным условием окончить постройку к вечеру» [Там же. С. 49]. Но никто ее исполнять и не думает, т. к. знают, что завтра о ней он и не вспомнит.

Талимон — человек другого склада. Он совсем плохой хозяин, и его дом можно безошибочно найти, потому что она самая худшая во всем селе: «дрань на крыше дырявая, еле держится, стекла в окнах почти повывбиты и заменены тряпками, стены ушли в землю и покосились» [Там же. С. 50].

Талимон скромен, застенчив и уступчив. Он знает много народных поверий и легенд. Рассказывая легенду о птице канюке, Талимон демонстрирует знание народных сказаний и свою веру в них. Рассказ Талимона — это диалог с культурой предков и урок потомкам о том, как нужно жить. Пересказывая легенду о канюке, Талимон свидетельствует, что основой счастья всегда был и остается труд. Только тот, кто приспособлен к труду, может надеяться на удачу в жизни и безбедное существование. Об этом и его рассказ о

птице канюке, которая была лишена воды и наказана так за свою лень. Вслушаемся в диалог:

— Отчего же ты, серая птаха, не хочешь слушать моего приказа? Разве ты не чула, как я всем птицам велел копать криницу?

— Как же, господи, буду я копать криницу? Бачишь, якие у меня ножки гарпенькие! Боюсь я их испачкать землею, не стану я копать криницы.

— Будь же ты, серая птица, проклята отныне и до века!. Пусть теперь и ты, и весь род твой не смеет пить воды: а ни из речки, а ни из ривчака, а ни из болога, а ни из криницы или става, ни из стоячей воды, ни из текучей. А только позволяю я тебе пить воду после дождя с зеленого листика...» [2. С. 55].

Такие легенды вскрывают культурные предпосылки развития общества. Они «позволяют установить взаимодействие между речью и мыслью героев в целях взаимного их совершенствования и обогащения, выяснить отношения между научной и литературной формами изложения и указывают нам путь, вводящий нас в таинственную интимную атмосферу, в которой новые стремления созрели и нашли свое окончательное выражение» [3. С. 5].

И сотеский, и Талимон дорожат своей материальной и духовной культурой, той, что досталась им по наследству. У Талимона — это и трубка, «околоченная медью», и ружье «фунтов по пятнадцати весом, около вершка калибром», которое он не согласится променять «ни на какую централку», потому что это досталось ему по наследству.

Общение героев рассказа, их речь — это своего рода психологическая детерминанта, способная определить экологичность их поведения в целом. Экологичность здесь понимается нами как психоэкология развития человека, связанная со становлением его способности выверять в анализе сообщений *Другого* разумность своего поведения, выбора той или иной стратегии, тех или иных способов реализации цели, для которых важна не только ее осознанность, но и привычное соотнесение с социокультурной нормой поступка (С. К. Бондырева, С. И. Иванов). В этой связи достаточно вспомнить беседу Талимона, Кирилла и молчаливого Александра у костра о женщине. По мнению героев, с одной стороны, женщина — это хранительница семейного очага, «крылья» для мужчины. Говорили о ее характере, любви и верности, о роли в семье и обществе, а с другой стороны, как о порочной, хитрой и безответственной. После такой беседы еще четче проступает понимание горечи обиды, несчастья Александра, который стыдится людей выйти на улицу из-за безнравственного и легкомысленного поведения своей жены: «А этого ей ничего, что из-за нее нельзя на село показаться, что от сраму не знаешь, куда голову спрятать» [2. С. 64].

В рассказе «На глухарей» изображение природы дается через восприятие ее рассказчиком-охотником. Он воспринимает природу как реальный и в то же время таинственный и загадочный мир, достойный наблюдения и осмысления, как равноценный миру человека в общем потоке бытия. Чувство связи и родства с этим миром вызывает волнение героя: «затаил дыхание и замер», «осторожно», «стараясь не шуметь», «всматривался», «сильно колотилось сердце» и т. д. Соприкосновение с миром природы становится для рассказчика не только попыткой приблизиться к таинству мира, но и способом нравственного очищения. Природа помогает ему забыть о житейских неурядицах и заботах и окунуться в новый поток времени.

Таким образом, описывая леса, земли, реки, птиц и зверей, человека с его проблемами, автор тем самым подчеркивает природное богатство Полесского края, отмечая гармонию человека и природы. «Все птицы собра-

лись копать землю, чтобы напиться воды: и бузыко, и книга, и шуляк, и крук, и ворона...» [2. С. 55]. А. Куприн не скрывает и своих чувств. Люди, живущие в глуши Полесья, в близости к природе, привлекают к себе симпатию и любовь автора: «А в душу мою сходил какой-то томный, согретающий мир. Кто-то стирал с нее властной рукой всю горечь прошедших неудач, мелкую и озлобленную суету городских интересов, мучительный позор обиженого самодобия, никогда не засыпающую заботу о насущном хлебе» [Там же. С. 58].

Куприн-философ говорит и о вечной зависимости человека от природы, о том, что, пренебрегая ею, человек никогда не станет счастливым.

В образе крестьянской девушки из Полесья (повесть «Олеся») писатель воплотил национальные черты и свойства белорусского этноса, дал характер в значительной мере глубоко народный, сохранивший в неприкосновенности свое человеческое величие и моральную чистоту. Обаяние этого образа — в цельности натуры, в яркой самобытности нравственного облика и стойкости характера. В Олеся гармонично соединены внешняя красота, девичья и человеческая гордость, своеобразный ум, смелость суждений и самостоятельность поступков, чистота, предельная искренность и непосредственность в проявлении чувств любви. Она до конца сохраняет присущую ей внутреннюю свободу и гордую независимость как личность, как женщина и как человек. Все оттенки явных и тайных переживаний героини (юной Олеси и Ивана Тимофеевича), почти недостижимый апофеоз их счастья переданы автором. Возлюбленных благословляет сама мать-земля: она «таинственно расцвечивает лес», одевает березы «серебристыми покрывалами», устилает ложе «плюшевым ковром» мха. Рядом с царством страсти и мечты существует и другой мир — чуждого разобщения. Бесчувственная, разобщенная деревня — не загадка для Ивана Тимофеевича. Знакомясь с ее жителями, он понимает, почему они создают в его сознании и сердце такой мрачный образ. Он связан с их историческим прошлым — Полесье веками угнеталось «польскими панями». Может быть, поэтому и не тревожит крестьян окружающая красота вольного теперь уже края. Их души давно осквернены взаимоотчуждением, озлоблением, суеверием, страхом перед «чужаками».

В повести созданы этническое пространство и время. Два временных пласта, две области жизни: первая — естественная, чистая, зависящая только от вечно живой природы, в которой живет Олеся, и вторая — жестокая, бессмысленная, в которой живет полесская деревня. Конечно, трудно представить, что до современности писателя сохранилась почти средневековая крестьянская община и гармония «доцивилизованного» рая. Но такая концепция прекрасного. Она — в продуманном соединении художником слова трудно соединимого. Куприн рисует «упорно необщительных» мужиков, полесовщиков Ярмолу, бабу Мануйлиху, да и самого Ивана Тимофеевича. Они — «дети» определенной социальной среды и потому ограничены ее правилами, далеки от совершенства. И чистую, взлелеянную силой, красотой природы, сохранившую в первозданном виде человеческие способности девушку глубокой, чистой души — Олеся. Олеся как бы возвращает Ивану, правда, ненадолго утраченную им естественность и остроту переживаний. Сама же при этом, несмотря на трагические предчувствия, поднимается до жертвенного служения возлюбленному.

Так, Куприн приводит читателя к мысли о том, что любые социальные устои губят самобытность личности и только природа дарует полноту чувств, высшую гармонию бытия.

Примечательно, что ни в одном из произведений А. Куприна нет молчаливого примирения человека с господствующим злом, а тем более — оправдания зла. Напротив, очень многие его герои стремятся, каждый по-своему, отстаивать свою человеческую значимость, достоинство своей личности.

Таким образом, социальный опыт этноса транслировался А. Куприным не только через поведение героев, но и через речевую деятельность персонажей, их миропонимание и мировидение.

Литература

1. *Бессонова, Б. Н.* Судьба России / Б. Н. Бессонова, С. А. Протодяконов. — М., 2005.
2. *Куприн, А. И.* Избранное / А. И. Куприн. — Минск : Выш. шк., 1981. — 302 с.
3. *Олышка, Л.* История научной литературы на новых языках. Литература техники и прикладных наук от Средних веков до эпохи Возрождения : пер. с нем. / Л. Олышка. — Сретенск : МЦИФИ, 2000.
4. Психолого-педагогическое сопровождение в образовательных учреждениях Российской Федерации формирования человека как личности на этапе межпоколенческого перехода молодежи : Сб. ст. / под ред. С. П. Иванова. — М., 2008. — 344 с.
5. *Фельдштейн, Д. И.* Человек в современном мире -- тенденции и потенциальные возможности развития / Д. И. Фельдштейн // Психолого-педагогическое сопровождение в образовательных учреждениях Российской Федерации формирования человека как личности на этапе межпоколенческого перехода молодежи : Сб. ст. — М., 2008. — С. 6—17.
6. *Humboldt, Kosmos, Einleitung* // История научной литературы на новых языках. Литература техники и прикладных наук от средних веков до эпохи Возрождения : пер. с нем. / Л. Олышка. — Сретенск, 2000.